

александр балуев:

Александр сегодня — один из самых востребованных российским кинематографом актеров среднего поколения. С ним работали Кайдановский и Лунгин, Кончаловский-младший и Грымов, Сурикова и Мороз... Мими Ледер и Стивен Спилберг... К тому же он здорово играет в театре. Его сумасшедший Ленни в идущем с неизменными аншлагами спектакле «Люди и мыши» по Стейнбеку трогателен и беззащитен. Он вроде большой, крепкий, а его так и хочется, пожалев, спрятать от этого злого, злого, злого мира... Одна эта роль глубже и интереснее нескольких балуевских киноработ, вместе взятых.

«Ушел в туалет, закрылся в кабине и ждал, пока все успокоится»

— Саша, вы когда-нибудь улыбаются?

— Улыбаюсь. Когда, в-первых, есть основания, а во-вторых... И во-вторых — тоже. Может быть, это недостаток в моей профессии, но улыбаясь на заказ я не умею и ненавижу. Лучше бы меня просили заплакать. Во всяком случае, по нашей жизни было бы понятнее. Сейчас уже и в России некоторые люди научились улыбаться просто так, но в основном это свойственно американцам. У них улыбка не сходит с губ.

— Мне казалось, уж вам-то понятие голливудской улыбки должно быть хорошо знакомо.

— Оно мне знакомо. Но чаще всего голливудская улыбка вызывает у меня негативную реакцию. Если она связана с голливудским кинопроизводством, то это, как правило, — фантик, в который заворачивают какую угодно конфету, потому что, если ее не завернуть (если звезда не будет улыбаться), конфета будет кушаться плохо. А в нашей стране, принимая во внимание состояние дел в кино, такая улыбка, я считаю, неестественна и неправомерна. Она все равно получается натянутой.

— Вне кинопроизводства голливудские актеры не улыбаются?

— Я общался с ними в основном на площадке. Скажем, Кроу — последний, с кем пришлось там работать — улыбался. Наше общение, правда, было весьма коротким, но я заметил, что ведет он себя как настоящий оскороносец. Возможно, так ведут себя все обладатели «Оскара», хотя мне кажется, это довольно глупо — так уж выставлять себя...

— Что вас может рассмешить?

— Да все что угодно. Хороший анекдот, смешная ситуация.

— Сами любите потривать анекдоты в компании?

— Не-ет. Я не гвоздь компании, не заводила. И никогда им не был.

— Приходите в гости — и весь вечер сидите в уголке?

— Ну, почему? Все гораздо проще. Я привык в компании отдыхать, а не работать. В этом смысле меня однажды потряс Андрей Александрович Мионов. Я тогда еще работал в Театре Советской армии и, к сожалению, не был с ним знаком. Мы должны были репетировать какой-то капустник. И вот зашел человек, которого все привыкли видеть жизнерадостным и веселым, и сел тихонечко на стульчик... И я понял, что для него это был просто отдых, день, когда по большому счету не нужно работать. В тот момент он как будто растворился среди других артистов. И тоже любил растворяться. Ненавижу всякие интервью — когда выдергивают из толпы, начинают снимать. Помню, пришел в «Художественный» к Юре Грымову на премьеру «Коллекционера», и вдруг как накинудись эти... Я просто ушел в туалет, закрылся в кабине и ждал там, пока они успокоятся. Ну, правда, не люблю я это.

— Сколько времени в общей сложности вы провели в Америке?

— Немного. Месяца два-три. Ведь из трех голливудских фильмов, в которых я принимал участие, только один снимался в США, в Лос-Анджелесе — «Столкновение с бездной». Остальное было в Европе — в Словакии, в Польше.

— К слову, во всех голливудских картинах вы снимались со звездами: с Николь Кидман, Ванессой Рэдгрейв, Джорджем Клуни, Робертом Дюваллом, Мэг Райан, Расселом Кроу, один фильм снял Спилберг, другой он продюсировал. Однако их даже с натяжкой не назовешь шедеврами, и ваши роли там — далеко не самые лучшие.

— Безусловно. А я и не отнюшу к ним как к каким-то своим удачам или свершениям. Я рассматриваю это как опыт, даже как случай, не ожидаемый мной и ничем не провоцируемый. У меня никогда и в мыслях не было уезжать в Америку, покорять Голливуд — ни в юности, ни тем более теперь. Мечтал об этом сейчас просто бессмысленно. Можно сказать, ездил в США как турист и провел там какой-то период времени, который очень понравился мне в познавательном смысле. Даже говорил: «Я русский, я турист. Не обращайтесь на меня внимания».

— Вы случайно не футбольный болельщик?

— Нет. А что?

— В Голливуде российским актерам вряд ли дадут сыграть положительного героя, маловероятно, что кто-то из них там останется надолго. Тем не менее многие туда рвутся. И в этом смысле, мне кажется, они похожи на футболистов, которые при случае уезжают на Запад даже в самые захудалые клубы, просто чтобы пожить «как люди».

— Не знаю, может, кто-то и сыграет положительную роль, может, кто-то и останется. Пока такого не было. Но дело

даже не в этом. Футбольная ситуация более циничная — там просто все решают деньги, и игроки, которые чего-то стоят, зарабатывают в Европе и Америке, я так думаю, несравненно больше, чем здесь. Другое дело футбол, хоккей или баскетбол — все-таки это весьма универсальное дело. Можно выучить довольно поверхностно язык и понимать, что тебе должны дать пас или ты должен его дать. В актерской профессии, к сожалению, без языки ты почти ничто. Вряд ли они будут экранизировать «Муму», да? Хотя, если бы взяли, можно было бы с их ребятами поспорничать. В смысле — на равных помолчать. Но, как только ты начинаешь говорить и выполняет акцент — конец. Они все равно воспримут тебя как восточноевропейского парня, неамериканца. А это очень сильный идеологический барьер. Очень сильный...

— К слову, фильм «Му-Му» — это был интерес именно помолчать на экране?

— Конечно. Для меня самое большое счастье — молчать на экране. А если посредством молчания тебе удастся еще что-то передать, на мой взгляд, это высший класс для любого артиста.

«Надо ехать, выхожу на улицу — а машины нет»

— Не только там, но и здесь, в России, вы много раз играли злодеев, бандитов... Простите, не тошнит от такого количества негатива?

— Меня тошнит и от того вала, который наши кинопродюсеры производят. Но мы должны либо сниматься, либо отказываться и сидеть на печке. Ну, вот я пока не отказываюсь. Слишком маленький у нас выбор. Если бы мне предлагали один к одному играть хорошего парня и плохого... А получается — из десяти ролей всего одна положительная.

— Работа в театре способствует?

— Да, если человек углубляется в него. В театре создается особый микромир, такое семейное единение. Обсуждение премьеры или любой другой темы... О-о, да! Это уже стало нормой.

— Но ведь вы сами говорили, что 9 лет после института кинорежиссеры вас не замечали.

— А-а... Ну, да... Так скажем, не сразу стал сниматься. Но поздно ли это? Черт его знает, может быть, можно было еще позже начать. Какой смысл сейчас об этом рассуждать?

— В вашей фильмографии есть несколько картин, названия которых зрителю ничего не говорят...

— Они и мне иногда ничего не говорят. Разные периоды были в жизни. Это было связано и с зарабатыванием денег, и с собственными ошибками выбора. Казалось, надо, думал, режиссер хоть приличный. А потом оказывалось, все не так, а стеснеть-то уже невозможно, и позор остается...

— Многие актеры в таких случаях обычно говорят: ну, я-то де-

лал свою работу хорошо, честно, а то, что фильм плохой получился — так то не моя вина.

— Я не могу сказать, что всегда делал свою работу честно. Иногда корыстно. Корысть как — можно сопоставить с честностью?

— Корыстно — значит, халтурно?

— Нет. Корыстно — это когда соглашаешься сниматься ради хороших по нашим меркам денег. Да, тебе многое не нравится, твои внутренние, художнические взгляды не совпадают со взглядами режиссера и сценариста, но ты понимаешь, что должен сниматься. Перед собой я был честен. А по большому счету, наверное, этого не надо было делать.

— Вы часто оправдываете себя, свои поступки?

— А вы?

«Когда я закончил школу, отец сказал: «Ты никогда не поступишь в театральное», когда поступил — «Через год тебя выгонят». Я отвечал: «Посмотрим!..» Никаких видимых поводов для того, чтобы я стал артистом, не было.

— Ну... Наверное.

— Ну, и я — наверное. Человеку вообще свойственно оправдывать свои дела плохие поступки. Другой вопрос — понимаешь ты сам, что они плохие, или нет? Если понимаешь, то, конечно, осудишь или оправдаешь себя. А оправдаешь — для этого большого ума не надо.

— Чрезмерное употребление крепких напитков оправдывало 9 годами безработицы после института?

— Алкоголь? Не-ет. Во-первых, я всегда работал как лось, а во-вторых, это не был такой уход в запой. Скорее — очень бурный театральный период в моей жизни.

— Работа в театре способствует?

— Да, если человек углубляется в него. В театре создается особый микромир, такое семейное единение. Обсуждение премьеры или любой другой темы... О-о, да! Это уже стало нормой. У каждого стационарного театра свои традиции, и они должны соблюдаться... Нет, капустники давно уже умерли, сейчас это только потуги, пародия на них. А вот посиделки театром, труппой остались. И хотя завидуют, друг друга ненавидят, но собираются всем вместе — святое. Такой театр в театре.

— Это одна из причин, по которым вы не служите в стационарном театре?

— Одно, конечно, другое цепляет. А вообще считаю, призывание к определенному месту, к одному театру, к одному режиссеру заикается. Это уход актера, по своей природе довольного, как мне кажется, свободой, от тусовки, пародия на него. А вот посиделки театром, труппой остались. И хотя завидуют, друг друга ненавидят, но собираются всем вместе — святое. Такой театр в театре.

лать... Ужас! Ну зачем? В антирепризе приятнее. Там взаимоотношения более откровенные, независимые, по собственному желанию выбранные. Для любого артиста это очень важно.

— Гипотетическая ситуация: если вдруг сейчас вас перестают снимать...

— Ну и что? Я занимаюсь театром... Больше скажу: кинопроизводство вообще не очень актерское занятие. Скорее — технологическое. У меня никогда не было к нему такой уж тяги, а сами съемки (особенно часовые ожидания их) часто вызвали даже неприятие, раздражение. Во всяком случае, удовольствия не доставляли. И не доставляют. Так что если найду достойную замену, большому потери не будет.

— Может, начну делать антрепризы или организовывать их. Силы пока есть, желание — тоже. Да и люди хотят это видеть. Жизнь вообще очень разнообразна. Не будет кино — значит, надо будет что-то придумывать.

— Бизнес как вариант профессионального выбора?

— Нет. У меня мозги совсем не бизнесмена. В ресторанах ничего не понимаю.

— Помните, после какого фильма вас стали узнавать?

— Да меня не стали узна-

вать! Это происходит редко, и слава Богу. Я долгое время отказывался от участия в сериалах, но потом кино закончилось, остались одни «мыльные оперы». Они-то и дали какую-то узнаваемость.

— Редкая узнаваемость — не повод для того, чтобы ездить на троллейбусе и в метро. Зачем вы это делали?

— Ну, у меня воровали машины... Это, конечно, не безвыходная ситуация, но я же должен был как-то передвигаться. Обстоятельства складывались так, что мне надо ехать, выхожу на улицу — а машины нет. Что же, мне теперь дома сидеть?

— Часто воровали?

— Однажды. Не думаю, что это поклонники, скорее — просто ворюги, которыми наша страна кишит... Спасибо органам, которые должны искать. Ничего они не ищут, только вид делают.

— Папа не читал, чтоб я ходил строем?

— Саша, у меня сложилось мнение, что хотите того или нет, но живете не как все. Я тут даже себе навывисывала: вы не бывайте на тусовках, не дайте никому свой телефон, не увлекайтесь Интернетом, не читайте модных авторов и прессу о себе. И даже жена у вас иностранная...

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

— Ну, так я живу и ничего в своей жизни не программирую. Не люблю тусовок, потому что никогда их не любил. Не увлекаюсь Интернетом, потому что мне не надо выходить в Сеть, чтобы с кем-то переписываться — достаточно непосредственного общения. Как достаточно информации без интернетовской памяти и каких-то там сайтов. Наверное, в этом смысле дань моде у меня отсутствует.

Живу, как мне требуется, и владею только тем, что мне нужно. А без всего этого я совершенно спокойно, без всякой напряжки обхожусь.

— За что чаще всего критикуете себя?

— За то, что заносит. Иногда думаешь, будто тебе, снявшемуся в Голливуде, уже можно больше, чем кому-то другому... Конечно, заносит, чего скрывать.

— Сами себя одергиваете или кто помогает?

— Бывает, и кто-то. Но в основном сам. Ведь если подумать — то, чем мы, актеры, занимаемся, довольно просто проследить по телевизионным каналам. Вот человек взял в руки пульт. Нажимает одну кнопку — там идет какой-нибудь фильм со мной. Он смотрит, смотрит... Потом легкое движение, нажатие на другую кнопку — и тебя нет. Словом, то, чем мы занимаемся — все-то лишь легкое движение.

— Отец, бывший военный, сильно повлиял на ваш профессиональный выбор?

— Не знаю. Но то, что он никогда не верил, что из меня что-то выйдет, в результате очень помогло мне. В юности постоянно приходилось доказывать родителям, что они не правы и из меня получится что-то толковое. А в период взросления это важно. Когда я закончил школу, отец сказал: «Ты никогда не поступишь в театральное», когда поступил — «Через год тебя выгонят». Я отвечал: «Посмотрим!..» Но, наверное, такой юношеский максимализм присущ всем в этом возрасте.

— Вы что, были болтушкой? Почему Николай Михалыч не верил в вас?

— Да потому, что никаких предпосылок, никаких видимых поводов для того, чтобы я стал артистом, не было. Никто никогда в семье этим не занимался.

— Ну, матушка-то ваша любила ходить в оперу.

— Да, она была поклонницей театра, оперного искусства, балета. Но это ведь тоже не повод. Мама даже ничего не предпринимала для того, чтобы привить мне любовь к театру. Просто в ней жила эта страсть, которая потом передавалась мне.

— Наверное, она была довольна, что вы стали артистом.

— По ее ощущениям, думаю — да. Но мы как-то с ней об этом не говорили. Сейчас я уже не могу спросить, поскольку мамы нет, а раньше не спрашивал... Не потому, что было неинтересно. По дружески, наверное.

— Папа-то наверняка хотел, чтобы вы стали военным?

— Конечно! Чтб ходил строем.

— А для вас это никогда не было...

— ...Никогда не было! И не будет! Ничего даже близкого к армии.

— Потому что несвобода? Все время строем, всю жизнь «под козырек»?

— Ну, для кого-то это ведь любимая несвобода. Военные-то ее любят. Я — нет. Весь армейский уклад жизни мне чужд.

«Поклооть дрова или почистить лопатой снег — это я люблю»

— Теперь вы уже окончательно и бесповоротно переселились в деревню?

— Да-да, я деревенский житель и пока, во всяком случае, ловлю от этого огромный кайф.

— Не очень-то верится, что это глухая деревня. Наверняка элитный коттеджный поселок с развитой инфраструктурой где-нибудь в 5 километрах от Москвы.

— Это что-то среднее. Конечно, не глухая деревня, место в 20 километрах от окружающей дороги не назовешь глушью. Но это настоящая деревня, асфальтированной, на ней стоят деревянные дома, в том числе мой, который я построил по собственному проекту...

— То есть трехэтажных красных «дворцов» там нет?

— Вокруг. Есть, конечно, коттеджные поселки, и довольно серьезные. Там живут серьезные люди — чиновники.

— Думаете, сможете при- выкнуть?

— К чиновникам?.. К деревне я привык сразу, как пришел. Там еще даже ничего не было. Была поляна, паслась коза — и мне показалось, что это мое место.

— И что, вы ведете настоящую жизнь деревенского жителя — топите печку дровами?

— Ну, там есть, конечно, газ, вода — горячая и холодная, телефон, свет, послужомочная машина. Все есть, да. Но... Поклооть дрова или почистить лопатой снег — это я люблю. А как же? Обожаю поливать. Особенно весной, когда распускаются цветы. Стою, думаю о чем-то и могу просто зайти их все. А когда жарко, и себя польешь, как растение...

— Супруга Мария не оставила свою журналистскую работу в Польше, вы по-прежнему мотаетесь туда-сюда на «Полонезе»?

— Она время от времени работает, когда ей это интересно. Мария — свободный журналист.

— И вам не хочется, чтобы она была все время дома, с вами?

— Хочется. Но что значит «все время»?.. Все время я не могу быть дома. Если бы занимался другой профессией, наверное, был бы чаще. А требовать от жены того, чего сам не можешь сделать — нечестно. То есть я мог бы, конечно, привязать ее к кухне, к дому... Хотя дом — это ведь понятие внутреннее. Хорошо, если оно имеет какое-то внешнее подтверждение, но только подтверждение внутренним понятием дома, семьи, единения. А для этого необязательно все время сидеть на кухне и ждать у окошка супруга. Я так думаю.

— Ну да, Мария бы устала сидеть у окошка. Ведь вы сейчас везде, какой канал ни включи. Стало быть, дома бываете крайне редко. Вы считаете, что снимаетесь много?

— Видите ли, в сутках ведь 24 часа... А по количеству? Даже перебор. Конечно, я это понимаю.

— Редко говорите режиссерам «нет»?

— Часто. И все равно происходит перебор.

— И как же с этим бороться?

— Призвать создателей фильмов меньше приглашать артиста Балуюва и тем самым меньше искушать его. Ребята (это я обращаюсь к режиссерам), есть очень много хороших артистов, обратите на них внимание, не ограничивайте себя!

...И первый раз за все время интервью артист Балуюв улыбнулся.

Живу, как мне требуется, и владею только тем, что мне нужно. А без всего этого я совершенно спокойно, без всякой напряжки обхожусь.

— За что чаще всего критикуете себя?

— За то, что заносит. Иногда думаешь, будто тебе, снявшемуся в Голливуде, уже можно больше, чем кому-то другому... Конечно, заносит, чего скрывать.

— Сами себя одергиваете или кто помогает?

— Бывает, и кто-то. Но в основном сам. Ведь если подумать — то, чем мы, актеры, занимаемся, довольно просто проследить по телевизионным каналам. Вот человек взял в руки пульт. Нажимает одну кнопку — там идет какой-нибудь фильм со мной. Он смотрит, смотрит... Потом легкое движение, нажатие на другую кнопку — и тебя нет. Словом, то, чем мы занимаемся — все-то лишь легкое движение.

— Отец, бывший военный, сильно повлиял на ваш профессиональный выбор?

— Не знаю. Но то, что он никогда не верил, что из меня что-то выйдет, в результате очень помогло мне. В юности постоянно приходилось доказывать родителям, что они не правы и из меня получится что-то толковое. А в период взросления это важно. Когда я закончил школу, отец сказал: «Ты никогда не поступишь в театральное», когда поступил — «Через год тебя выгонят». Я отвечал: «Посмотрим!..» Но, наверное, такой юношеский максимализм присущ всем в этом возрасте.

— Вы что, были болтушкой? Почему Николай Михалыч не верил в вас?

— Да потому, что никаких предпосылок, никаких видимых поводов для того, чтобы я стал артистом, не было. Никто никогда в семье этим не занимался.

— Ну, матушка-то ваша любила ходить в оперу.

— Да, она была поклонницей театра, оперного искусства, балета. Но это ведь тоже не повод. Мама даже ничего не предпринимала для того, чтобы привить мне любовь к театру. Просто в ней жила эта страсть, которая потом передавалась мне.

— Наверное, она была довольна, что вы стали артистом.

— По ее ощущениям, думаю — да. Но мы как-то с ней об этом не говорили. Сейчас я уже не могу спросить, поскольку мамы нет, а раньше не спрашивал... Не потому, что было неинтересно. По дружески, наверное.

— Папа-то наверняка хотел, чтобы вы стали военным?

— Конечно! Чтб ходил строем.

— А для вас это никогда не было...

— ...Никогда не было! И не будет! Ничего даже близкого к армии.

— Потому что несвобода? Все время строем, всю жизнь «под козырек»?

— Ну, для кого-то это ведь любимая несвобода. Военные-то ее любят. Я — нет. Весь армейский уклад жизни мне чужд.

«Поклооть дрова или почистить лопатой снег — это я люблю»

— Теперь вы уже окончательно и бесповоротно переселились в деревню?

— Да-да, я деревенский житель и пока, во всяком случае, ловлю от этого огромный кайф.

— Не очень-то верится, что это глухая деревня. Наверняка элитный коттеджный поселок с развитой инфраструктурой где-нибудь в 5 километрах от Москвы.

— Это что-то среднее. Конечно, не глухая деревня, место в 20 километрах от окружающей дороги не назовешь глушью. Но это настоящая деревня, асфальтированной, на ней стоят деревянные дома, в том числе мой, который я построил по собственному проекту...

— То есть трехэтажных красных «дворцов» там нет?

— Вокруг. Есть, конечно, коттеджные поселки, и довольно серьезные. Там живут серьезные люди — чиновники.

— Думаете, сможете при- выкнуть?

— К чиновникам?.. К деревне я привык сразу, как пришел. Там еще даже ничего не было. Была поляна, паслась коза — и мне показалось, что это мое место.

— И что, вы ведете настоящую жизнь деревенского жителя — топите печку дровами?

— Ну, там есть, конечно, газ, вода — горячая и холодная, телефон, свет, послужомочная машина. Все есть, да. Но... Поклооть дрова или почистить лопатой снег — это я люблю. А как же? Обожаю поливать. Особенно весной, когда распускаются цветы. Стою, думаю о чем-то и могу просто зайти их все. А когда жарко, и себя польешь, как растение...

— Супруга Мария не оставила свою журналистскую работу в Польше, вы по-прежнему мотаетесь туда-сюда на «Полонезе»?

— Она время от времени работает, когда ей это интересно. Мария — свободный журналист.

— И вам не хочется, чтобы она была все время дома, с вами?

— Хочется. Но что значит «все время»?